

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: к 100-летию НЭП

© 2022

**А.В. Бузгалин¹, М.И. Воейков², Г.Д. Гловели³, А.И. Колганов⁴,
А.А. Пороховский⁵, А.Г. Худокормов⁶, Вас.Вл. Чекмарев⁷,
О.В. Барашкова⁸**

НЭП 100 ЛЕТ НАЗАД И СЕГОДНЯ: КАК ПОНИМАТЬ? (К 100-ЛЕТИЮ НЭП)*⁹

Ключевые слова: *новая экономическая политика, НЭП, социально-экономическое развитие, СССР, Россия, поздний капитализм, политическая экономия.*

¹ **Бузгалин Александр Владимирович**, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (buzgalin@mail.ru).

² **Воейков Михаил Илларионович**, доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором политической экономики Института экономики РАН, Москва, Россия (mrvok1943@mail.ru).

³ **Гловели Георгий Джамалович**, доктор экономических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (gglaveli@hse.ru).

⁴ **Колганов Андрей Иванович**, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (anaglo@mail.ru).

⁵ **Пороховский Анатолий Александрович**, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (anapor@econ.msu.ru).

⁶ **Худокормов Александр Георгиевич**, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (akhudo52@mail.ru).

⁷ **Чекмарев Василий Владимирович**, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент РАО, действительный член АФН. Руководитель Костромского регионального отделения Петровской Академии Наук и Искусств (КРОПАНИ) при администрации Костромской области, Кострома, Россия (tcheckmar@ksu.edu.ru).

⁸ **Барашкова Ольга Владимировна**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (o.v.barashkova@gmail.com).

***Цитирование:** Бузгалин А.В., Воейков М.И., Гловели Г.Д., Колганов А.И., Пороховский А.А., Худокормов А.Г., Чекмарев В.В., Барашкова О.В. (2022). НЭП 100 лет назад и сегодня: как понимать? (к 100-летию НЭП) // Вопросы политической экономики. № 1 (29). С. 22-53.

DOI: 10.5281/zenodo.6525484 (<https://zenodo.org/record/6525484>)

⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-010-43007\21.

Введение. На заседании круглого стола были поставлены вопросы содержания и форм взаимодействия двух зарождавшихся укладов – частнокапиталистического и социалистического, вопросы причин появления новой экономической политики и закономерного или же случайного характера основных ее принципов. Одной из характеристик, отличающих данную дискуссию, стали постановка и подробное обсуждение участниками вопроса о том, кто «придумал», разработал НЭП. В рамках круглого стола было уделено внимание и тому, могла ли новая экономическая политика быть продолжена, а также какие факторы стали основными в том, что было принято решение свернуть НЭП. Важной темой в ходе дискуссии стали уроки НЭПа для формирования социально-экономической политики России в XXI веке.

Открыл круглый стол профессор А.В. Бузгалин:

Бузгалин А.В.: Уважаемые коллеги, этот круглый стол инициирован редколлегией журнала «Вопросы политической экономии». Саму идею такого обсуждения предложили профессор А.Г. Худокормов и профессор М.И. Воейков. Вопросы для круглого стола подготовил профессор М.И. Воейков. Вопросы касаются, во-первых, природы новой экономической политики, с таким историческим, специфическим подвопросом о том, кто был инициатором новой экономической политики. М.И. Воейков предложил саму постановку вопроса о том, кто придумал – в виде своего рода слогана «Кто придумал НЭП?». Есть еще очень интересная проблема: в чем все-таки сущность новой экономической политики? Это целостная, новая система экономических отношений и, соответственно, теоретическая модель новой экономики. В частности, можно говорить об интегральном способе производства, можно говорить о конвергенции, или же о начале движения к коммунизму, можно подчеркнуть, что главное в НЭПе – это червонец или продналог, о чем говорили не раз и не два руководители государства того времени. Еще один важный аспект – это актуальность новой экономической политики для XXI в. вообще и для нашей страны в частности. Я озвучил основные вопросы, но не возбраняется ставить и любые другие теоретические вопросы.

Я думаю, будет правильно, если начнут наш круглый стол два его инициатора – профессор Воейков и профессор Худокормов. У нас есть возможность затем по первому кругу высказаться. Поскольку нас немного, я думаю, что мы можем и перебивать друг друга. Сам формат обсуждения – круглый стол, предполагает такую возможность вежливо перебивать друг друга. После первого круга выступлений у нас будет возможность второй раз поучаствовать в дискуссии и как-то отреагировать на сказанное коллегами, сформулировать свою позицию, обозначить какие-то важные акценты. Мы будем придерживаться ориентировочно 10-минутного регламента в первом туре и 5-минутного регламента во втором туре, чтобы уложиться в 1,5-2 часа, иначе материал по объему будет совершенно неподъемный с точки зрения публикации. 1,5-2 часа – это будет очень большой материал, но тема того заслуживает, и я думаю, что это будет замечательно. Итак, Михаил Илларионович, вам слово.

Воейков М.И.: Предлагаю, чтобы начал Александр Георгиевич – как профессиональный историк.

Бузгалин А.В.: У нас вопрос не только исторический, но если Александр Георгиевич готов начать, то это будет прекрасно.

Худокормов А.Г.: Спасибо. Первый вопрос у нас – кто придумал НЭП. Это не такая простая штука. Мои учителя всегда говорили, что НЭП придумали не боль-

шевики, а меньшевики. Еще в период завершения гражданской войны меньшевистские лидеры, которые действовали тогда относительно легально в Советах, ставили вопрос о переходе к НЭПу. Но, конечно, НЭП стал реальностью после того, как перешел из предварительных наметок в разряд государственной политики. А как государственную политику его разрабатывал прежде всего Ленин. Ленин в свое время был вообще своего рода институтом.

Поясню эту мысль. Сейчас модно ссылаться на институциональный анализ. В истории такими институтами были Наполеон, Ленин, Сталин, конечно, для Югославии – Тито. Ленин был институтом в том смысле, что от него зависело в значительной степени то, по каким правилам будет развиваться страна, какую экономическую политику она изберет. И здесь, если возможно, еще одно лирическое отступление. Недавно ко мне обратился президент нашего факультета Василий Петрович Колесов и сказал, что в университете в целом создается проект о том, какие фундаментальные проблемы были разработаны учеными университета, начиная с 1917 г., именно эта дата была определена. И вот я стал припоминать – какие фундаментальные вещи передали мне мои учителя и что я из них запомнил.

Прежде всего, хочу сказать про Василевского, потому что в этот период курс читал он. И вот он выдвинул одну очень важную максиму: если мы рассматриваем какого-либо мыслителя, то обязательно должны рассматривать его идеи в развитии, не абсолютизируя тот или иной этап. И если мы рассматриваем его в развитии, то, конечно, мы должны предпочитать более зрелые труды ранним трудам. Я говорю об этом, потому что нарушение такого принципа ведет к ужасным последствиям. Приведу пример: лет 10 тому назад в черногорском журнале я прочел статью пожилого петербургского профессора с критикой Ленина. Как работал этот профессор? Он надергал цитаты из работ Ленина периода гражданской войны. И получилось, что все экономические (и не только) вопросы Ленин предлагал решать расстрелами, расстрелами и еще раз расстрелами. Статья тем более возмутительна, что в работах советского периода этот известный профессор упорно критиковал так называемых буржуазных и мелкобуржуазных мыслителей типа Кондратьева, Чаянова, Громана, Фельдмана и других, которые теперь считаются нашей гордостью. Вот такой подход. Мы, конечно, не должны пользоваться таким подходом, а должны подходить к НЭПу исторически.

Что означает «подходить к НЭПу исторически»? Во-первых, мы должны обрисовать обстановку, которая тогда возникла. Давайте вспомним. Гражданская война в основном закончилась в ноябре 1920 г. А НЭП был введен X Съездом РКП (б) в марте 1921 г. Считается, что НЭП запоздал, такова современная точка зрения. Но я обращаю ваше внимание, что он запоздал на 5 месяцев. Всего на 5 месяцев. А если сравнить с современностью, то насколько запоздала наша реакция на монетаризм, который был введен в 1991 г.? Сколько лет мы отказывались от этого монетаризма? Да, пожалуй, и сейчас не вполне отказались от этой доктрины, которая ввела нас в кризис и больше ничего хорошего не сделала. Поэтому я обращаю ваше внимание на то, что, наверное, НЭП запоздал, но ненадолго. Это первое.

Перейдем ко второму аспекту с точки зрения исторического подхода к НЭПу. НЭП был, конечно, обусловлен социально-политическим кризисом, о котором честно говорил и Ленин. У него есть прямые высказывания, что НЭП рожден социально-политическим кризисом. Прежде всего, такими событиями, как тамбовское

крестьянское восстание, которое началось еще летом 1920 г., и кронштадтский мятеж, который начался в феврале 1921 г. Поэтому НЭП был не только теоретической задумкой, а, главным образом, вынужденной программой.

Но он тоже распадается на два этапа. Вы знаете, что сначала Ленин и другие большевики интерпретировали НЭП исключительно как отступление от социализма в сторону рынка, обмена, а, значит, по-ленински, капитализма. Ленин считал, что отступление в сторону рынка, в сторону обмена – это и есть отступление в сторону капитализма. Однако уже к осени обнаружилось, что первичная программа была ограниченной. Первичная программа нацеливалась на то, чтобы ввести в стране ограниченный продуктообмен. Причем продуктообмен в масштабах отдельной области, отдельной губернии, но не в масштабах страны. И вот уже осенью 1921 г. Ленин пишет, что продуктообмен сорвался, и НЭП вылился во всероссийскую торговлю.

Здесь снова происходит развитие взглядов Ленина на НЭП. Если в первом периоде, на первом этапе развития НЭПа речь шла в основном о трактовке НЭПа как отступления от социализма, то на втором этапе – скорее, как дороги к социализму. НЭП стал интерпретироваться не как опасность капитализма, не как опасность рынка, а как дорога к социализму. Дорога через хозрасчет, через использование товарно-денежных отношений, через использование многоукладности. Появились новые постановки вопроса. Ленин стал писать, что не надо бояться рынка, не надо бояться капиталистического перерождения, дело в мере. Вот это у него очень важное положение.

Что значит, что дело «в мере»? Командные высоты, говорил Ленин, у нас в руках, у нас в руках политическая власть, у нас в руках основные высоты в экономике, то есть крупные государственные предприятия. Мы вполне можем, таким образом, превратить НЭП в средство повышения культурности, это ключевое слово. НЭП как средство повышения культурности, культурности рабочего класса, культурности крестьянства и культурности управленцев тоже. Потому что НЭП на определенном этапе стал трактоваться Лениным и как антибюрократическая программа. Он хотел использовать отношения хозрасчета как отношения, противоположные зарождавшемуся советскому бюрократизму. Это очень важно.

Я подытоживаю. На завершающем этапе полная концепция социализма у Ленина еще не созрела, но созрело понимание того, что движение к социализму может быть поддержано товарно-денежными отношениями, многоукладностью. Ничего страшного в этом нет, потому что командные высоты позволяют направить НЭП в определенное русло, и таким образом получится именно то, что нужно. НЭП вводился, по словам Ленина, «всерьез и надолго». Как надолго? Это большой вопрос. Ленин, возражая Осинскому, писал: «Я не такой пессимист, как товарищ Осинский, я считаю, что НЭП введен не на 30 лет, а по крайней мере на 10, до той поры, пока не будет восстановлена наша крупная промышленность». Вот его слова.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Александр Георгиевич. Вы сделали первый шаг в нашем обсуждении. К нам присоединился Георгий Джемалович Гловели. Я напоминаю, что мы обсуждаем спектр вопросов, от исторических до сугубо политэкономических, о природе новой экономической политики. Можно ли ее считать вариантом рынка и капитала (но капитала социализированного), вариантом интегрального общества или же прологом к социализму? Плюс вопрос об актуальности эпохи новой

экономической политики и того, что тогда осуществлялось, для сегодняшнего дня. И вопрос, который уже затронул в своем выступлении профессор Худокормов – кто придумал НЭП? Михаил Илларионович, вам слово. Потом я заострю проблему, а затем, по желанию, все будут включаться в разговор.

Воейков М.И.: Спасибо. Александр Георгиевич Худокормов сказал все хорошо и правильно, тут даже дискуссии никакой не разведешь, к сожалению. Но все-таки, говоря о НЭПе и читая современную литературу, видишь, что по этому вопросу много ерунды написано. Кто придумал НЭП? Худокормов так элегантно сказал, что без Ленина ничего бы не было. И это конечно верно. Но Ленин сопротивлялся этому НЭПу почти целый год. Есть письмо Николая Рожкова, меньшевика, историка, потом он отошел от политической деятельности. И вот в одном письме он говорил, что предлагал Ленину НЭП еще в 1919 г. А Ленин ответил, что НЭП нам не нужен, а мы пойдем прямо к социализму. НЭП это была не ленинская политика, у Ленина было сопротивление НЭПу. Потом Ленин развивался и несколько скорректировал свою позицию, и А.Г. Худокормов тут прав. Некоторые говорят, что Н.И. Бухарин был главным идеологом НЭПа. Это тоже полная ерунда. Бухарин ничего не придумал. Про него Троцкий хорошо сказал, назвав Колей Балаболкиным. Прицепится к кому-то, ходит сзади и повторяет все слова своего героя. Бухарин, вообще-то, выступал против товарно-денежных и рыночных отношений. Уже в 1920 г. в книге «Экономика переходного периода» он писал, что «перед теорией экономического процесса возникает необходимость перехода к натурально-хозяйственному мышлению, т.е. рассматриванию и общества, и его частей как систем элементов в их натуральной форме» (с. 189). Таким образом, по Бухарину социализм – это натуральное хозяйство. Правда, тогда так думали многие большевики.

Среди большевиков, которые говорили о необходимости перехода к хозяйственным формам, что воплотилось в НЭП, одним из первых был, конечно, Л.Д. Троцкий. В 1918 г. он был Предреввоенсовета республики, ему писали из действующей армии, что мобилизованные красноармейцы жалуются, что продотряд приходит в их деревню и делает в их хозяйстве продразверстку, т.е. забирает все, что можно. И Троцкий предлагал освободить от продразверстки хотя бы мобилизованных красноармейцев. В 1920 г. Троцкий написал письмо членам Политбюро, что надо переходить к налогу и оставлять крестьянам излишки зерна для того, чтобы они торговали, выращивали хлеб. Это все хорошо прописано в современной литературе.

Но в чем я, пожалуй, не соглашусь с А.Г. Худокормовым, это в том, что НЭП запоздал. Да нет, ведь его ввели в марте, перед посевной. Зимой вводить НЭП было бессмысленно, крестьяне зимой ничего не собирались сажать. Именно перед посевной это надо было делать, чтобы крестьянин имел стимул расширять свою запашку. Большевики хорошо соображали. Может быть, это надо было делать на год раньше? Тут тоже сложная ситуация. Вообще большевики чем хороши? Хотя они разделяли теорию марксизма, но этой теории мало следовали. Они следовали практической необходимости. Делали так, как заставляла жизнь. Вообще первое правительство Ленина было самым интеллектуально-просвещенным в Европе, все знали по несколько иностранных языков, у них было много статей, по несколько книг, которые были признаны в европейском сообществе. Это были очень высокообразованные люди. Например, наркомфин Г.Я. Сокольников окончил полный курс

Сорбонны и аспирантуру. Троцкий проучился полный курс Венского университета и там познакомился с учением Фрейда. Потом он в советской России один из немногих поддерживал так называемый фрейдизм. А некоторые наши авторы говорят, что НЭП придумали какие-то буржуазные ученые с хорошим образованием. Но у членов ленинского правительства было прекрасное образование, которое было просто недостижимым последующим правительствам.

Теперь другой вопрос. Я считаю, что неправильно весь НЭП сводить к продовольственному налогу. Налог – это, конечно, очень важно и необходимо, но надо еще создать нормальную денежную систему. Была страшная инфляция, деньги печатались в большом количестве, это еще до большевиков делали царское и временное правительство, а затем и сами большевики. Нельзя вести нормальную экономику, когда полностью развалена денежная система. Вот Г.Я. Сокольников сделал великолепную денежную реформу, в результате которой страна получила крепкую денежную единицу, советский червонец. Но перед введением червонца надо было сделать, прежде всего, бездефицитный бюджет. И Сокольников писал, что мы можем вводить крепкую валюту (червонец, который они сделали в 1924 г.), только когда дефицита бюджета не будет или когда только небольшой процент этого дефицита будет, его можно покрывать дензнаками. Главное в НЭПе – это денежно-финансовая система и крепкий советский рубль. НЭП – это была, конечно, про-буржуазная политика. И буржуи росли. В начале 1920-х гг. к А.М. Горькому приехал какой-то местный деятель и говорит: «Алексей Максимович, что у нас творится? Вроде бы социализм, а буржуй растет, правда, мелкий, но такой ядреный». Действительно, буржуазные отношения выходили на первый план, и тут большевикам было, о чем подумать, как делать дорогу к социализму и коммунизму, развивая буржуазные отношения. Например, А.И. Рыков специально подчеркивал, что налог «совершенно неизбежно ведет к легальному развитию буржуазных отношений». И надо сказать, что все 1920-е гг. официальное название советской экономической системы было «государственный капитализм». А. Рыков в конце 1920-х гг. в одном докладе и говорил, что у нас при «государственном капитализме должно быть то-то и то-то».

Но вот почему свернули НЭП, и мог ли он продолжаться долго – это, конечно, большой вопрос. И тут ответ может быть очень сложный. Потому что, с одной стороны, если продолжать политику НЭПа, надо было бы развивать и укреплять рыночные начала и буржуазные отношения. Но с другой стороны, надо было развивать крупную промышленность и значит – ставить на первое место производство, вне зависимости от его рыночной эффективности. Так, например, Сокольников предлагал (правда, в 1926 г. его сняли с должности наркома) переходить к рынку кредитов. Государственные предприятия берут у государства деньги в кредит для развития. И каждое предприятие берет как можно больше и не всегда возвращает. «Мы и так государственное предприятие, зачем возвращать?» И Госплан стоял на стороне предприятий, был такой производственный подход. Сокольников говорил, что если мы развиваем рыночные отношения, то надо давать кредит только тем предприятиям, которые более эффективно их используют и будут эффективно возвращать. То есть надо создавать нормальный рынок кредитов. Но уже в середине 1920-х гг. стали сворачивать это дело, потому что под влиянием Госплана стал доминировать так называемый производственный подход, при котором главное не

деньги, а производство – то есть, например, сделать крупную машину, запустить деятельность крупного завода, и т. д.

Тем более, все понимали, что нужна достаточно мощная индустриализация. Ведь до 1917 г. индустрии практически не было, примерно 50-55% национального дохода давало сельское хозяйство, а промышленность, строительство и транспорт давали вместе 34-36% национального дохода. Действительно, создать индустриальную базу, которая помогла бы Советскому Союзу выстоять во Второй мировой войне и победить – для этого нужен был рывок. И я думаю, что это была объективная необходимость. И руководство страны уже в 1930-х гг. понимало, что надо делать. Другое дело, что форма реализации этих задач могла бы быть другая. Совершенно необязательно было расстреливать Бухарина, чтобы проводить индустриализацию. Конечно, если бы индустриализацию проводил более цивилизованный человек, то она бы прошла с меньшими потерями. Но это была жизненная необходимость – сначала переходить к НЭПу, а потом проводить индустриализацию. И мне кажется, что сейчас есть жизненная необходимость в России сделать некое сочетание плана и рынка. Потому что без рынка современная экономика развиваться не может, а без народнохозяйственного планирования такая большая страна, как Россия, тоже развиваться не может. Спасибо за внимание.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Михаил Илларионович. Коллеги, я, если вы позволите, обострю процесс. Михаил Илларионович проследит за тем, чтобы я не превысил регламент. Сначала несколько предварительных замечаний. Замечание методологическое. Нам в свое время на первых лекциях по политической экономии Николай Владимирович Хессин (учитель и Андрея Ивановича Колганова, и Александра Георгиевича Худокормова на первом этапе его научного развития, и Анатолия Александровича Пороховского) говорил, что политэкономия – наука классовая и надевает на исследователя своего рода очки, которые через призму у одного зеленого цвета, у другого красного, у третьего еще какого-то, что-то высвечивают, а что-то нет. Но и шоры, которые ограничивают – это ты видишь, а это ты не видишь. Мы сейчас далеки от каких-то классовых дебатов, но у каждого есть свой научный взгляд, парадигма, некоторая нацеленность на определенные выводы, специализация, наконец. Это высвечивает в новой экономической политике определенные ракурсы. Но тем и интересен круглый стол, что разные известные ученые, имеющие некоторые своеобразные взгляды, по-своему видят один и тот же объект, а в результате появляется интересная целостная картина. Я не знаю, какое представление сложится у читателей, но мне кажется, что такой подход очень важен. В этой связи я хотел бы подчеркнуть, что с моей точки зрения НЭП – это, прежде всего, уникальный, исторически первый и успешный проект, и практики создания смешанной экономики, движущейся в направлении социализма под руководством левых политических сил. Это очень важно сегодня потому, что такого рода проекты возникают постоянно. Причем один из вариантов – это, скажем, Латинская Америка. Я специально пока оставляю в стороне Китай и Вьетнам. Там постоянно приходят к власти левые, которые хотят делать нечто, похожее на НЭП, но получается не так успешно, как в Советском Союзе. Многие из того, что было реализовано в условиях НЭПа, стало практиками и теориями одновременно в социально-ориентированных капиталистических экономиках Западной Европы. Я попробую просто перечислить эти компоненты, а потом уже вернуться к истории. Первое. Действительно, рыночная эко-

номика, в которой тем не менее постоянно наращиваемыми темпами развивается общественное регулирование и планирование, причем базирующееся на учете и контроле. Да, в полной мере реализовать всенародный учет и контроль, о необходимости которого говорили большевики еще в 1917 г., не удалось, но очень многое в этом направлении делалось, особенно пока не началось сворачивание элементов демократии и развития полностью авторитарных тенденций. Первый интереснейший опыт – план ГОЭЛРО, затем постепенное развитие планирования, создание Госплана. Второй интереснейший опыт, о котором, наверное, скажет Георгий Джемалович, – активная промышленная политика, которая позволяла создавать совершенно новые проекты. Огромный спектр развития технических институтов, исследовательских центров, начало геологоразведочных работ, освоение Севера и т. д. Создание авиации. Активное влияние на структуру экономики, ускорение технологического развития. Оно началось в условиях НЭПа. Третий момент, на который редко обращают внимание, особенно экономисты. Это массовое развитие социального творчества. Новая экономическая политика – это эпоха постоянно растущих в масштабах десятков тысяч (вот Андрей Иванович Колганов может дополнить) общественных организаций, которые включались в самые разные процессы, начиная от участия в управлении, соревнования и других форм в экономике, включая различные технические кружки, спорт, художественную культуру, научное творчество, поиски различных форм образования. Один из примеров – макаренинская коммуна, опыт которой сегодня воспроизводится в той же Латинской Америке. В Бразилии школа самоуправления боготворит Макаренко и Крупскую. Это производственная школа, обучение производству самоуправлением. Это социальное творчество, коммунистические элементы внутри НЭПа очень часто не видят вообще. Не видят то, что НЭП имел вектор, вектор развития. Ключевая идея – из России нэповской будет Россия социалистическая – как правило, теряется. Систему берут статичной. У нас уже были круглые столы, в частности, посвященный памяти Георгия Николаевича Цаголова, когда мы обсуждали тему интегрального общества. Понимаете, есть проблема. Да, на современном этапе, во всяком случае, исходный пункт движения от капиталистической системы к будущему – это смешанная экономика, где есть общественный сектор, где есть частный сектор, где есть рынок, есть план, есть несправедливость и движение к социальному равенству и социальному творчеству. А дальше встает вопрос – мы это превращаем в вечный проект или мы от этого идем куда-то вперед? Для Советского Союза это был еще и вопрос победы в будущей войне, но не только. Из этого не следует, что надо было переходить к сталинским методам, об этом я скажу несколько позже. Но, на мой взгляд, это вопрос принципиальной важности. Новая экономическая политика была мерой, действительно, единственно возможной для того состояния российской социально-экономической и общественно-политической системы. Но одновременно она была вся пронизана движением к новому качеству общества. Движение к социализму, строительство социализма было важнейшим слагаемым НЭПа, и не видеть его просто категорически нельзя. Это, на мой взгляд, будет теоретической ошибкой, игнорирующей очень широкий круг практик. Вот на этом я бы хотел сделать принципиальный акцент.

Возвращаясь к структуре новой экономической политики. НЭП закладывает основы не только государственных хозрасчетных предприятий, что само по себе

весьма интересный опыт. Это первое в мире массовое развитие государственных хозрасчетных предприятий, работающих и на план, и на рыночный результат. Михаил Илларионович поставил развилку своего рода: производство или деньги? На самом деле эта развилка существует постоянно. Потому что развивающаяся по направлению к социализму экономика, действительно, может нарушать и нарушает законы рыночного равновесия, законы рыночного воспроизводства, законы капиталистического воспроизводства (кредиты – это уже капиталистические отношения), нарушает нормы рыночной эффективности, капиталистической эффективности. Но это возможный и, более того, во многих случаях необходимый компонент. Другое дело, что если вы сохраняете смешанную экономику, то мера этого нарушения должна быть очень строго определена, потому что иначе вы разрушаете одну из тех слагаемых, ломаете одну из тех двух ног, на которых стоит экономика. Если вы постепенно движетесь в направлении социалистического планирования, то вы можете, да, уходить в процесс, когда у вас будут планово-убыточные предприятия, и при этом вы будете по-другому развивать экономику, по другим критериям, и по-другому исчислять результат. Кстати, есть и определенная обратная сторона. Когда мы исчисляем результаты в стоимостном выражении, то получается, что чем больше финансовых спекуляций, тем более эффективна экономика, по крайней мере, масштабная экономика. Этот перекося рынка мы тоже прекрасно знаем. Александр Георгиевич говорил про трагедии монетаризма – вот один из аспектов именно этого. Суммируя, мне хотелось бы подчеркнуть, что для НЭПа принципиально важны следующие слагаемые. Первое. Исторически первый опыт создания смешанной экономики, нацеленной на движение к социалистическому, новому общественному устройству, включая развитие отношений планирования, включая развитие общественного сектора, причем не только государственно-капиталистического, но и уже с социалистическими компонентами. Второе. Развитие участия трудящихся в направлении социального творчества, этого самого энтузиазма. Третье. В значительной степени ориентация экономики на неэкономические цели – на цели прогресса культуры (культурная революция), на цели прогресса страны как актора в геополитическом пространстве (подготовка к будущей войне, решение задач перехода к качественно новому общественному строю и т. д.). Та экономика хороша, которая работает на эти задачи, а не наоборот, когда общество, культура и т. д. хороши в той мере, в какой они увеличивают валовой внутренний продукт. Все это опыт НЭПа. Опыт, который подвергается большой критике, спорам и т. д. Еще один важный интересный компонент НЭПа, вернее, вопрос от нашей дискуссии. Это вопрос о том, насколько НЭП был действительно придуман, своевременен или несвоевременен он был. Я хотел бы обратить внимание всех участников на работы Ленина первого периода мирного шествия советской власти, когда 80% губерний России приняли советскую власть мирным путем, и начались преобразования. И Ленин, и его сподвижники в это время пишут о чем? «Не в экспроприации гвоздь дела. Гвоздь дела в налаживании всенародного учета и контроля». То есть идея одновременной моментальной национализации и планового развития тогда у значительной части, даже у большинства лидеров страны не было. В годы гражданской войны ведется совершенно другая политика, продразверстка. Политика, которую, как все мы хорошо знаем, была начата «царем-батюшкой», продолжалась временным правительством. Аналогичные меры, включая введение карточной системы, в

условиях войны проводились практически во всех воюющих странах, включая принудительные государственные меры подавления населения, широкое применение вооруженного насилия, мобилизации и т. д. Поэтому НЭП – это в значительной степени возвращение к первоначальным планам. И в качестве постскриптума теории и практики. Действительно, конкретной теории, как идти к социализму, у Ленина, Троцкого, Бухарина, Дзержинского, Луначарского не было. Но общие принципы теоретические реализовывались последовательно. Начиная от программных установок на необходимость планомерной организации общественного производства при участии всех членов общества разными методами, но она, эта организация, реализовывалась. Госплан создавался, ГОЭЛРО принимался, учет и контроль пытались осуществлять. Идею Хессина, что нужно начинать планомерность не с планирования, а с учета и контроля, мы с Андреем Колгановым развивали. Важна идея социального творчества и развития человека в качестве высшей цели. И Луначарским, и Лениным культурная революция, развитие человека признавались как высшая цель. Мы просто как экономисты часто этого не видим. Все эти моменты теоретически были выверены и на практике реализованы, хотя и очень разными методами. Пожалуйста, коллеги, кто хотел бы включиться в дискуссию? Георгий Джемалович, пожалуйста.

Гловели Г.Д.: Хотел бы несколько позже. Я здесь.

Худокормов А.Г.: Я возражу немного. Когда ты рассказываешь о НЭПе, у тебя есть такой крен. Развитие человека как высшая цель, культурные цели и т. д. Я думаю, что Ленин, послушав тебя, сказал бы: «Люди-то вы превосходные, да дела делать не умеете». Там самое главное было в чем? Накормить народ, понимаешь? Не хватало всего. И поэтому НЭП рассматривался как своего рода экономическое чудо. Когда ничего не было совсем – и вдруг все появилось. Мне приходилось беседовать с людьми, родители которых жили при НЭПе. Все как один отмечают, что НЭП рассматривался как экономическое чудо. Это так. Пустые были полки. Нигде ничего не достать, только из-под полы. И вдруг, пожалуйста, полные магазины. И еще на одно хочу обратить внимание. Вот ты говоришь про ВВП, но это никто не отменял как важный показатель. Объем реализованной продукции, объем произведенной продукции. Вот посмотри на цифры. Уже к 1925 г. благодаря НЭПу был восстановлен довоенный уровень производства зерна. А довоенный уровень производства зерна – это 1913 г., это результат реформы Столыпина, которую сейчас все восхваляют. Пишут, как многого Столыпин достиг в смысле роста зернового производства. А большевики к 1925 г. этот уровень уже восстановили. Это же величайший успех. Потом, в 1926 г., был восстановлен довоенный уровень животноводства. Кстати, в результате коллективизации он несколько понизился, и уровень 1926 г. был восстановлен у нас только к середине 50-х гг. Теперь промышленность. Ничего не было практически. И вдруг промышленных материалов, пригодных для обмена, в том числе и для крестьянской экономики, стало достаточно. И все это было сделано благодаря работе мелкотоварного производства, а не крупных предприятий. Поэтому НЭП был такой очень гибкой программой, но прежде всего программой экономической в смысле насыщения рынка, в смысле снабжения населения. Вот так его помнят все прежде всего. А то, о чем ты говоришь, – это важно, конечно, но только потом, после того, как эти насущные проблемы, самые важные были решены. Спасибо.

Бузгалин А.В.: Коллеги, я очень хочу, но не буду спорить с Александром Георгиевичем. Хотя мне приходит на память реплика одного из близких друзей Гайдара накануне краха СССР. Мы с ним спорили о том, чем измеряется результативность экономики. Мы с Колгановым бросили фразу, что она измеряется не блеском витрин. На что этот друг Гайдара сказал: «А чем же еще может измеряться экономика? Может быть, еще тем, когда появляется первая клубника – только в сезон или круглый год».

Худокормов А.Г.: Но отчасти он прав.

Бузгалин А.В.: В 1992 г. мы получили этот вариант. Ладно, давайте это оставим. Александр Георгиевич – не гайдаровец. Я – не энтузиаст, считающий, что нужно сталинскими методами загонять людей в колхоз. У читателей, у зрителей есть два таких аспекта. Я думаю, будет правильно, если мы продолжим наш разговор. Пожалуйста, Анатолий Александрович Пороховский, после чего мы вернемся к критике друг друга.

Пороховский А.А.: Прежде всего я хочу поздравить всех, что мы даже в такое время нерабочих майских дней организовали обсуждение этой проблемы. Конечно, мы, более или менее, относимся к тем людям, которые позитивно оценивают рассматриваемое историческое событие и при этом могут выражать разные мнения.

Я думаю, уважаемые участники нашего круглого стола, что среди нас нет ярых антисоветчиков и ярых антиленинцев. И это очень важно, потому что если мы посмотрим на позицию таких людей, то мы увидим, что, например, в последние дни по каналу «Россия-24» идет так называемый сериал «Гибель Империи». Эпиграфом к этой серии взяты будто бы слова Ленина, которые он будто бы сказал старому большевику Соломону: «Не нужна нам ваша Россия!». Как уже сказал Александр Георгиевич, многими в России произвольно цитируются работы Ленина, без учета времени и места написания или высказывания, в том числе и периода гражданской войны, где ситуативно могло быть выражено все, что угодно. Подобное сделано и выведено в «Гибели Империи» таким образом, чтобы убедить телезрителей – Ленин получил власть и загубил Россию. А если бы он не получил власть, то Россия продолжала бы процветать. Этот сериал представляется под эгидой православной церкви.

Мне очень жаль, что такое происходит. Поэтому если бы мы попросили участвовать в нашем круглом столе людей такого типа, то мы ничего бы позитивного не услышали о процессе и явлении новой экономической политики.

Далее разрешите обратить внимание на другое обстоятельство, о котором упоминал Михаил Илларионович. Это прагматизм. Сегодня никто не сказал о теории «переходной экономики». Александр Владимирович Бузгалин сказал о том, что не было теории конкретного построения социализма в конкретной стране. Она рождалась в процессе, были созданы только контуры, но не было самой полновесной теории. Теория переходной экономики по-своему вписывалась и одновременно рождалась в реальном процессе и реальной жизни, а НЭП стал ключевым звеном этой теории. Между прочим, как вы заметили, уже возникла теория переходной экономики на стыке XX и XXI вв. от социализма к капитализму. Такой переход имеет место в Китае – от китайского социализма к китайскому социализму на базе капитализма. Мы видим, что НЭП сохранил громадное международное значение, кото-

рое показывает, что теория развития человеческого общества – это не застывший постулат, это не догма. Это то, что насыщается реальным процессом и обогащается новейшими фактами. Более того, в этой парадигме очень четко сочетаются теория и практика, тактика и стратегия. На это прошу обратить внимание, потому что этот маленький спор между Александром Георгиевичем и Александром Владимировичем по поводу того, как происходило и происходит – ради человека, ради будущего или ради насыщения желудка. В этом и выражается соотношение тактики и стратегии. Тактически – накормили, а стратегически – накормили для того, чтобы человек поверил в будущее.

В этом смысле мне хотелось бы обратить внимание на то, что НЭП, на мой взгляд, повлияла на появление «нового курса» Рузвельта. Мы, конечно, не сравнивали период развития США и ленинский период. Но обратите внимание, «новый курс» Рузвельта – это тоже отход от традиционной теории и использование совершенно нетрадиционных методов для того, чтобы спасти что было и построить то, чего не было. Поэтому НЭП имеет значение в узком историческом смысле применительно к России/СССР и применительно к США. Александр Владимирович упоминал Латинскую Америку, мы пока не говорим о Китае, хотя, казалось бы, на него надо обратить внимание, потому что те самые командные высоты как раз и сохранились в Китае, благодаря чему политика Дэн Сяопина и получила такой расцвет и успех. Без этих командных высот, безусловно, Китай такого успеха не получил бы, тут даже спорить не нужно.

И последнее, что я хотел бы сказать. Посмотрите на так называемую теорию «капитализма стейкхолдеров» (капитализма всех заинтересованных сторон – stakeholder capitalism), которую провозгласил Клаус Шваб на основе обобщения обсуждения на Всемирном экономическом форуме в Давосе. Это выглядит как приспособление капитализма к целям развития человечества, а не капитализма как такового, это приспособление корпораций к потребностям комьюнити как местного, регионального, так и международного. Шваб предупреждает о том, что капитализм загнется, если он не учтет потребности развития человечества и вызовы времени. Какие они? Рост бедности, рост неравенства и дифференциации доходов. А как это можно сделать? Прежде всего должны перестроиться корпорации, которые являются главенствующими в этом развитии, корпорации должны работать не только для своих акционеров, но и для всех, от которых зависит само существование корпораций и капитализма.

Конечно, может, это утопические идеи, не имеющие отношения к НЭПу, но, на мой взгляд, это говорит о том, что капитализм достиг такого этапа развития, когда прежним путем двигаться дальше не может. И не случайно все говорят о новом экономическом порядке, о новых взаимоотношениях. Американцы стараются всеми силами, любым путем сохранить свое лидерство. Будущее говорит о том, что новая экономическая политика – это потребность современного развития.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Анатолий Александрович. Вы сделали очень важный акцент на современном звучании «новой экономической политики». И эта параллель с реформами Рузвельта, с одной стороны, с тем, что сейчас востребовано, с другой стороны, заслуживает всяческого развития. Кстати, я хочу напомнить читателям, которые, возможно, не все обратили на это внимание, про план Байдена по созданию новых технологий, новых рабочих мест и экологически-чистых техно-

логий с перспективой вложения во все это до двух триллионов долларов за счет повышения налога на корпорации с 21 до 28% и ряда других шагов такого же типа. Я бы сказал, меры в духе Рузвельта. Вот Анатолий Александрович об этом больше меня знает. Но давайте вернемся к «новой экономической политике». Георгий Джемалович, готовы?

Гловели Г.Д.: Я хотел бы начать с афоризма Леонардо да Винчи, что противник, вскрывающий ваши ошибки, полезнее для вас, чем друг, пытающийся их скрыть. Мне представляется, что, вообще говоря, НЭП весьма значителен как форма разрешения противоречий воплощения марксизма, поскольку военный коммунизм считался многими марксизмом, внедренным Лениным в практику, и для самого В. Ульянова-Ленина, действительно, было очень сложно пересмотреть привычные ему с конца 1890-х гг. представления о социализме как уничтожении товарного хозяйства. По-видимому, никогда не будет раскрыто в полной мере, что подразумевал Предсовнаркома в словах о «коренной перемене всей нашей точки зрения на социализм». Но ключевое противоречие новой экономической политики, на мой взгляд, заключалось в том, что явно возникла потребность в переосмыслении теории марксизма, а коммунистическая партия не могла допустить свободы такого переосмысления и, пойдя на «стратегическое отступление» в экономике, проводила идеологию марксистской неуступчивости. Главный тогдашний идеолог партии (и НЭПа) Н. Бухарин, например, пафосно «громил» сменовеховцев – представителей отнюдь не самого крайнего течения. А с особым ожесточением на идеологическом (и не только) фронте шла борьба с представителями других социалистов – «меньшевизм» и «неонародничество» стали одними из самых страшных политических ярлыков того времени. Между тем, примечательной особенностью экономической мысли периода НЭП является выдающееся значение членов бывших социалистических партий – меньшевиков, эсеров, энеса Огановского, организатора эфемерной РСДРП (интернационалистов) В. Базарова.

Эти ставшие «непартийными» экономисты уже как «спецы» сыграли видную роль и в практике хозяйственных органов и преподавания, и в разработке целого ряда прикладных экономических дисциплин – сельхозкооперации, экономической географии, экономики промышленности, научной организации труда и др. Хотел бы в двух вопросах поспорить с М.И. Воейковым – по поводу Сокольников и Бухарина. Хотя Г. Сокольников закончил юрфак Сорбонны и курировал денежную реформу 1922–1924 гг., все-таки идея введения советского червонца и осуществление валютной стабилизации связано с буржуазными «спецами». Прежде всего с бывшим сибирским банкиром-миллионером В. Тарновским (в безвестности дожившим в СССР до середины 50-х гг.) и политэкономом-струвистом Л. Юровским (между прочим, автором большой статьи «Капитализм» в Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, 1914). Так вот, Юровский, не мог в период НЭПа открыто выражать свои явно немарксистские взгляды, однако в известной статье «К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе» (Вестник финансов, 1926, № 12) он указал на бюрократический ценовой «арбитраж», или «игру на отсутствии равновесия в товарно-денежной системе», как «специальное занятие для весьма многочисленного класса лиц». То есть советские чиновники злоупотребляют служебным положением, чтобы изрядное количество товаров, распределяемых по регулируемым государством ценам, «просачивалось» на част-

ный рынок со свободными ценами. Примером такого злоупотребления-«арбитража» была деятельность фигуранта первого показательного судебного процесса над видным партийным функционером – одно время замом Сокольникова в Наркомфине, а затем Председателем правления Промбанка Александром Краснощековым, бывшим министром иностранных дел Дальневосточной Республики (ДВР), выпускником Чикагского(!) университета. Ульянов-Ленин, ценивший Краснощекова как человека «умного, энергичного», знающего «языки и коммерцию», в переписке с ним по вопросам «основ конституции и экономполитики» ДВР отметил, что «допустима демократия с маленькими привилегиями коммунистов». Но на постах уже не в ДВР, а в целом СССР «маленьких привилегий» Краснощекову показалось явно недостаточно, и он через Промбанк предоставлял льготные кредиты в частную строительную контору своего брата. Подобный тип чиновника-партийца был массовым и весьма далеким от скромного работника, воспетого в «Сонете о советском служащем» Дира Туманного (Н. Панова), и большевистские лозунги «борьбы с бюрократизмом», «бюрократическим перерождением рабочего государства» остались декларациями.

Проблема бюрократизма уходила корнями в не решенную в социалистической теории проблему организации технически сложного крупного промышленного производства и вознаграждения квалифицированного труда при устранении капиталистической собственности. На эту проблему указывали (хотя В. Ульянов-Ленин делал вид, что никто не указывал) автор первой в России критической книги об экономическом учении Маркса журналист Л. Слонимский, ревизионист Э. Бернштейн и крупнейший теоретик русского (или «среднерусского») марксизма и идеолог Пролеткульта А. Богданов. Богданов полагал, что между капитализмом и социализмом должна пройти переходная эпоха возвышения «класса технической интеллигенции», а пролетариат, даже в случае военно-революционного захвата политической власти, без владения техническими знаниями, будет обречен на роль «зауряд-бюрократии».

В. Ульянов-Ленин перед захватом власти большевиками утверждал, что государственно-монополистический капитализм сформировал «высокотехнически оборудованный механизм», который при диктатуре пролетариата вполне могут пустить в ход сами объединенные вооруженные рабочие», «посадив» за выработку «плана» экономистов, инженеров, агрономов и пр. за вознаграждение «не выше зарплаты хорошего рабочего». Скорректировать этот эгалитаризм пришлось уже в период военного коммунизма, в частности, через «архисекретную» выдачу «чуцкаевских» спецпайков. Тогда же Н. Бухарин пытался теоретически очертить модифицирующую классовый подход кадровую проблему. С одной стороны, Бухарин отметил, что техническая интеллигенция занимает промежуточное положение: при развитом капитализме – между буржуазией и пролетариатом, а при социализме – между пролетарской властью и основной массой пролетариата. С другой стороны, если мы рассматриваем кадры буржуазии, то там интеллектуальные верхи не очень сильно отличаются от основного слоя, а вот партийный авангард, слой социалистических интеллектуалов, по мнению Бухарина, отличается от основной массы пролетариев очень сильно.

При НЭПе были оставлены попытки заменить денежные единицы оплаты труда статистически рассчитанными «тредами» и «энедами»; были установлены

должностные оклады «спецам». Однако накапливались противоречия и между «спецами» и «красными директорами» из партийцев, и между высокооплачиваемыми «спецами» и скромно оплачиваемой рабочей массой, и между старыми «спецами» и наскоро обученными молодыми кадрами, стремившимися к высоким должностям.

Еще один и, очевидно, самый острый узел противоречий завязывался на главной смычке НЭПа – пролетарской власти с крестьянством, с массой мелких производителей, с которыми «нужно ужиться» (В. Ульянов-Ленин). Ленин определил направление, на котором нужно уживаться с крестьянской массой мелких производителей, – кооперация вплоть до «поголовного участия» в ней. Но как быть, во-первых, с тем, что «мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе», а, во-вторых, – с тем, что к участию в кооперации предрасположены среднезажиточные слои крестьянства, но никак не беднота, провозглашенная прочной опорой Советской власти в деревне? Теоретики русской кооперативной школы – А. Чаянов, Н. Огановский и другие – исходили из того, что кооперация будет развиваться постепенно, и в основном в кредитной и сбытоснабженческой формах, к которым тяготеют среднезажиточные крестьяне. Но руководящие экономисты-партийцы, вроде Преображенского и Милютина, сохраняли убеждение о «кулацком» характере такой кооперации. Но если «левые перегибщики» пугали кулацкой угрозой, то для «генеральной линии» ВКП(б) непреодолимым теоретическим и политико-идеологическим барьером стал факт, что поставки в рамках НЭПа товарного зерна в объемах, необходимых для ускорения индустриализации, могло обеспечить лишь деревенское коммерчески ориентированное меньшинство, т.е. пресловутое кулачество, не «притиравшееся» к рабоче-крестьянскому союзу.

В итоге накопления всех указанных противоречий «смычки» НЭПа сменились в конце 1920-х гг. «размычками», которые, однако, открыли дополнительные каналы социальной мобильности. И это еще одна теоретическая проблема, в осмыслении которой назрел уже тогда выход за пределы марксистского классового подхода. Марксизм как квинтэссенция социалистической теории XIX в. исходил из того, что социализм будет обществом социально однородным, преодолевающим различия между трудом промышленным и сельскохозяйственным, умственным и физическим, творческим и репродуктивным. Любопытно, что вышеупомянутый Е. Преображенский в 1925 г. опубликовал, так сказать, футурологическое эссе «От НЭПа к социализму» в виде воображаемых лекций, которые читает в 1967 г. профессор русской истории и одновременно слесарь железнодорожных мастерских. «Новый человек» как трудовой универсал (а вовсе не в смысле разрыва с культурной традицией) – это был пафос Пролеткультовской программы А. Богданова. Об искажении этого смысла хулиателями Богданова, начиная с Ленина, я писал неоднократно, но сейчас хочу поразмышлять вот над чем. В 1918 г. Ленин приветствует Первую конференцию Пролеткультов, но обращается к пролетарским культурно-просветительским организациям помочь выдвижению рабочих для управления производством. А в 1922 г., когда понятие «пролетарская культура» стало вызывать у Ленина идиосинкразию, он пишет гневные заметки на статье нового председателя Пролеткульта, в общем-то, случайно попавшего на это место графомана Плетнева. Статья аляповатой, но характерна ремарка Ленина «экий вздор!» против фразы

Плетнева, что социалистический «художник будет одновременно и художником, и рабочим». А где же тогда идеал социалистического «уничтожения классов», «снятия» разделения труда, если сохраняется специализация рабочих, художников и руководителей, выдвинутых из рабочих? Не за подобное ли сохранение специализации высмеивал Энгельс Дюринга? Это утопический элемент марксизма? Но он слишком существенный, и действительно – необходима «коренная перемена всей нашей точки зрения на социализм». Сломавший НЭП Сталин, кстати, действовал в духе, конечно, не ленинской, но по-своему «коренной» перемены точки зрения. Он создал и специальные привилегированные союзы «творцов» социалистической культуры, и произвел кадровую революцию выдвижения новой технической интеллигенции (режимопослушной технократии) и новых управленческих кадров (партийно-хозяйственной номенклатуры) преимущественно из рабочих.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Георгий Джемалович. Я позволю себе две очень коротких реплики на правах ведущего. Вот тут Александр Георгиевич упомянул партмаксимум. Это был один из способов решения проблемы. Если бы не сталинская контрреволюция, то был бы очень простой выбор: хочешь быть коммунистом – оставайся в достаточно скромных условиях, по сравнению с буржуазным специалистом. И вторая реплика: НЭП не все проблемы решил, но это был очень короткий период. Эти проблемы пытались решить, искали выход и очень много сделали. По тому, насколько удалось включить людей в культуру, снизу поднять людей – это уникальнейшие результаты в области образования и культуры.

Чекмарев В.В.: Я думаю, что круглый стол сегодня очень полезен в первую очередь нам самим. Потому что чем больше думаешь о том, что было, тем больше знаешь, чего ты не знаешь. Уточняя свои знания о НЭПе, понимаешь, что они очень важны. Думать о будущем можно только тогда, когда знаешь прошлое. В связи с этим я хотел бы начать с того, что когда приходишь к студентам, объясняешь, что экономика – это наука, у нее есть предмет, метод, что она характеризуется наличием категориально-понятийного аппарата, то бывают такие вопросы, на которые не сразу легко ответить. Почему Маркс написал «Капитал», а не «Труд»? Вопрос! Почему у нас капитализм получил развитие, а не «трудоизм»? А по поводу НЭПа ребята спрашивают примерно так: почему НЭП – это новая *экономическая* политика, хотя речь шла о государстве в целом? Почему не назвали политику «новой хозяйственной политикой»? Ведь все то, что происходило, относилось к хозяйственной жизни общества. Даже понятие «хозрасчет» – не «экономрасчет», а «хозрасчет»! В связи с этим я хотел бы напомнить, что сделал НЭП. В первую очередь НЭП восстановил рынок. Сегодня достаточно очевидно, что это всего лишь один из механизмов координации экономических взаимодействий. Сегодня таких механизмов стало гораздо больше. Мы знаем такой механизм, который назывался «плановая экономика», «государственная» с точки зрения системы. Появились такие механизмы, как институты, сети. Об этом можно говорить с разных сторон, но они существуют в той или иной степени. Главный урок НЭПа, на мой взгляд, заключается в том, что рынок оживает не столько с утверждением разных форм собственности, сколько с созданием ему соответствующей среды обитания *хозяйствующих* субъектов. Очень часто студенты, размышляя о НЭПе, говорят примерно так: НЭП – это буржуизм, а у нас сегодня есть миллиардеры, которые тоже насытили рынок товарами, но не повысили качество жизни. Все-таки НЭП того периода, 20-х гг. XX в., в качестве

жизни много что изменил. Поэтому на сегодняшний день в контексте обсуждаемой проблемы у меня возникают три философемы. Первая. Соотнесение хозяйства и экономики. Вторая. Соотнесение личной и частной форм собственности. И третья – механизмы управления, координации и регулирования. Здесь можно рассуждать очень долго и всяко, но в контексте первой философемы я полагаю, что хозяйство – это вся человеческая деятельность (хозяйство (общественное – сфера совместной человеческой деятельности по производству и распределению благ, включающая свой состав производительные силы и производственные отношения (мировое хозяйство, народное хозяйство, промышленное хозяйство и т.д.)). Экономика – это часть этой деятельности (товарно-денежный аспект хозяйства). А производство – это еще меньшая часть этой деятельности. О второй философеме. Я вижу различия частной и личной собственности в их участии или не участии в общественном производстве. Например. Человек на своем участке выращивает картошку. Собрал – и в подвал, чтобы зимой съесть. Это личная собственность. Собрал – и на рынок. Прогнал. Это – частная собственность. А если сажал, убирал и продавал с помощью наемных работников, то это частнокапиталистическая собственность. Почему я настаиваю на своем понимании? Да потому, что, вглядываясь в отношения, получившие сегодня название НЭП, можно полагать, что случившееся в 1918 г. огосударствление собственности установило систему экономических отношений, построенных на прямой организации государством процесса производства и воспроизводства в разрезе предприятий, отраслей, территорий и воспроизводственных фаз. И долгое время казалось, что есть логика отказа от капиталистической формы / форм собственности. Но, по сути, – не совсем так. Да уже и в те годы Г.Я. Сокольников предлагал другой подход, не предполагавший внесение генетического оплодотворения народного хозяйства системными признаками (т.е. администрированием хозяйства). Я думаю, что именно его идеями была вскормлена Л. Пияшева с ее статьей в «Новом мире» – «План или рынок», о чем мы на 100-летию Госплана вспоминали, обсуждая проблемы соотношения плана и рынка. Как и в период НЭП, сегодня вновь требуется перестройка *всех хозяйственных отношений*. Нужен ли НЭП сегодня, как бы его ни называли – экономической политикой, хозяйственной политикой? Может быть потому (этот вопрос и самому себе. Но может, он кому-то покажется интересным), что сегодня между хозяйством и экономикой возникла финансомика. И когда мы размышляем о промышленном капитале, о финансовом капитале, то понимаем, что сегодня финансомика уже не обслуживает производство и экономику в чистом виде. Она обслуживает и хозяйство в целом. Поэтому финансомика стала между хозяйством и экономикой. У нас появился хозяйственный расчет в конце века двадцатого, потом он исчез, заменили его на какие-то иные понятия, например, понятие выгоды (даже не прибыли!). У нас иногда наличие социального капитала решает принципиальные вопросы гораздо более эффективно с точки зрения и социальных лифтов, и других каких-то вопросов. У нас сегодня появилось и натуральное хозяйство. У нас ведь некоторое время в 90-е гг. было натуральное хозяйство и в экономике. Мы не называли это натуральным хозяйством, но фактически бартерная экономика – это и есть натуральное хозяйство.

Полагаю, что требует осмысления, упорядочения понятийный аппарат, наполнение понятий определенным конкретным и точным содержанием. А не так, как мы сейчас – открываем энциклопедию и смотрим: что такое «экономические от-

ношения» – смотри «производственные отношения». Открываем «производственные отношения» – читаем... (и так дальше).

На самом деле еще с помощью Л. Абалкина в 1950-е гг. на страницах журнала «Вопросы экономики» была проведена дискуссия. Почему не пользуемся? Почему игнорируем? Почему возвращаемся и как бы открываем вновь содержание экономических отношений, хотя это просто хорошо забытое старое.

Вот эта хозяйственная деятельность в экономической науке, которая на самом деле нам сегодня нужна, и она важнее, чем та экономическая деятельность, которая превращает человека в винтик в производстве, превращает его в слугу экономики – это у нас достаточно хорошо пропагандируется даже на уровне политики министерства образования (теперь науки и высшего образования). Господин Фурсенко еще в свое время предлагал превратить человека в винтик производства. Но люди на это реагируют плохо. При этом они становятся очень часто просто безответственными и не где-нибудь там, на низших уровнях экономического пространства. Сегодня у нас становятся безответственными руководители любого уровня. Сколько губернаторов, сколько министров и их заместителей попадают, так сказать, в объятия теневой экономики? Их чему учили в вузе? Их, наверное, учили каким-то квалификационным навыкам, они что-то умеют делать, может быть, даже неплохо. Но по отношению к обществу они себя ведут не как граждане этого общества. Поэтому, говоря о сегодняшнем НЭПе и рассуждая о том, нужен ли он нам сегодня, я бы сказал так: нужна новая хозяйственная политика (не НЭП, а НХП)!

Колганов А.И.: Я начну с того, что в одном вопросе покритикую Александра Георгиевича, а в другом вопросе его поддержу. В чем я хочу покритиковать? Мне кажется, что, говоря о двух этапах перехода на новую экономическую политику, Александр Георгиевич немножко перепутал первый этап со вторым. Потому что позиция Ленина была ровно обратна той, какой она предстала в изложении Александра Георгиевича. Он говорил, что на первом этапе Ленин считал, что НЭП – это отступление, что это отход от социализма, что мы вынуждены отступить, а на втором этапе он считал, что мы вполне способны сделать уступку рынку и частному капитализму, главное – это соблюсти меру, чтобы все было в порядке. Я позволю себе немножко процитировать Ленина.

Вот что говорит Ленин: «Пусть мелкая промышленность разовьется до известной степени, пусть разовьется государственный капитализм – это не страшно Советской власти: она должна смотреть на вещи прямо, называя своими именами, но нужно контролировать это, определять меру этого». Когда это сказал Ленин? Он сказал это в апреле 1921 г. Первый этап. Здесь он ставит вопрос таким образом. А как он ставит вопрос на втором этапе? Давайте посмотрим. А на втором этапе он ставит вопрос так: «Весь вопрос, кто кого опередит. Успеют капиталисты раньше организовать, и тогда они коммунистов прогонят, и уж тут никаких разговоров быть не может. Нужно смотреть на вещи трезво: кто кого. Или пролетарская государственная власть окажется способна, опираясь на крестьянство, держать господ капиталистов в настоящей узде и направлять капитализм по государственному руслу и создать капитализм, подчиненный государственным служащим».

Вот что говорит Ленин на втором этапе. Не о мере, а о способности вообще пролетарской государственной власти контролировать капитализм. И эту мысль он развивает дальше, уже в 1922 г. Вот что он говорит в выступлении на XXI съезде:

«Приходит номер «Смены вех» и говорит напрямик: у вас это вовсе не так, это вы только воображаете. А на самом деле вы скатываетесь в обычное буржуазное болото, и там будут коммунистические флажки болтаться со всякими словечками. Это очень полезная вещь, когда сменовеховцы так пишут, чем когда некоторые из них почти что коммунистами прикидываются, так что издали, пожалуй, не отличишь – может, он в бога верует, может, в коммунистическую революцию. Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны. Надо сказать прямо: враг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед нами стоит. Сменовеховцы выражают настроение тысяч и десятков тысяч всяких буржуев и советских служащих, участников нашей новой экономической политики. Это отчаянная, бешеная, если не последняя, то близкая к тому борьба не на живот, а на смерть между капитализмом и коммунизмом». Вот что говорит Ленин на втором этапе. Так что здесь все-таки акценты надо расставлять немножко иначе.

На втором этапе Ленин ясно видит, что условий для развития капитализма в России, материальных и экономических, гораздо больше, чем для социализма. Гораздо больше. И опасность реставрации или собственного перерождения коммунистической власти присутствует и существует вполне реально. Гарантий, что в борьбе «кто – кого» победит социализм, Ленин не видит. Он видит здесь реальную опасность. Почему? Потому что действительно, НЭП – это есть единственная возможность в отсталой крестьянской стране стараться продвинуться социализму.

Признавая объективную реальность огромного веса мелкобуржуазной стихии, нужно понимать, что неизбежен рост капитализма, и возможность пролетарского государства, опираясь на так называемые командные высоты, пытаться это развитие контролировать в интересах рабочей власти и в интересах строительства социализма. Но гарантий такая политика никаких не дает, потому что она осуществляется в условиях, когда объективный баланс сил не в пользу социализма.

В гражданской войне объективный баланс сил был тоже не в пользу Советской власти, тем не менее она победила. Поэтому говорить о том, что здесь авантюра или утопия, не приходится. Шансы на движение к социализму существовали. Но существовали и не меньшие шансы на то, что капиталистическая революция окажется сильнее. Что, в конечном итоге, и произошло на самом деле. Не за десять лет, не за двадцать лет, а за семьдесят, но произошло.

Теперь скажу о том, в чем я согласен с Александром Георгиевичем Худокормовым. В той критике, которую он направил в сторону моего коллеги и друга Александра Владимировича Бузгалина. Бузгалин был прав в том смысле, что развитие человека, культурная революция, для того чтобы это развитие обеспечить – это необходимое стратегическое направление, содержавшееся в том числе в новой экономической политике. Что без этого направления никакого НЭПа как политики движения к социализму представить себе нельзя. Но тем не менее совершенно четко надо сказать, что это не есть главная политика, что это не задача, которая должна решаться в первую очередь и в первую голову. Потому что невозможно произвести культурную революцию с голодным человеком. Голодный человек эту культурную революцию попросту не сможет воспринять.

Я не отрицаю совершенно того, что то социальное освобождение, которое принесла Октябрьская революция, дало огромный подъем культурной инициативы снизу. И в работах супруги Александра Владимировича, Людмилы Алексеев-

ны Булавка-Бузгалиной, это все очень хорошо показано. Огромная тяга к культуре возникла в населении, и огромная культурная инициатива снизу происходила. И Советская власть, безусловно, боролась за культурное развитие. В том числе и с экономической точки зрения, через развитие экономической культуры. И Ленин, в частности, на кооперацию смотрел именно как на элемент экономической культуры. Но первая и первостепенная задача НЭПа – это было восстановление сельскохозяйственного производства, обеспечение городов продовольствием и подъем крупной промышленности на этой основе. Потому что без этого никакие другие задачи, в том числе и задачи культурные, решать было невозможно.

Теперь о том, нужен ли нам НЭП. Вы понимаете, в чем дело? Когда мы ставим вопрос о том, нужен ли нам НЭП сейчас, мы должны смотреть на составные элементы новой экономической политики иначе, чем на них надо было смотреть в 1921–1922 гг. И даже в 1927–1928 гг. На что же сейчас надо смотреть, когда мы думаем об уроках новой экономической политики? Разумеется, речь не о продразверстке и продналоге, не о свободе торговли и даже не о хозрасчете.

Надо смотреть на НЭП с точки зрения того, что дал НЭП для строительства таких экономических форм, которые обеспечивали бы переход к социализму. Потому что те задачи, которые должен был в свое время решать НЭП, сейчас уже давно решены. Капитализм у нас налицо, промышленный капитализм, достаточно хорошо развитый, не самый лучший, конечно, кое в чем убогий, но тем не менее вполне такой приличный промышленный капитализм. Сельское хозяйство тоже более или менее работает. Не лучшим образом работает, прямо скажем, несмотря на хвастовство нашей власти, потому что мы, с точки зрения сельскохозяйственного экспорта, в значительной степени вернулись к модели императорской России, нежели к модели Советского Союза с точки зрения структуры этого экспорта и структуры внутреннего производства. Мы свернули производство пшеницы твердых и сильных сортов и массами производим низкосортное кормовое зерно, которое и экспортируем, чем занималась Россия до революции. Так на что же нам надо обратить внимание? На методы планового регулирования рынка, которые развивались в годы НЭПа. Эта задача непосредственно на начальном этапе НЭПа не ставилась как первоочередная, но тем не менее она решалась, эти методы развивались, и они дали очень большую палитру различного рода инструментов, которые позволяли пролетарскому государству в условиях рыночного оборота продвигать его в нужном направлении: на восстановление той же самой крупной промышленности и на ее техническую реконструкцию. Не стоит думать, что индустриализация у нас началась только с 1929 г. Она началась сразу. У нас до революции не было производства тракторов в стране, а в годы НЭПа оно развернулось. До начала индустриализации. У нас не было производства автомобилей – в годы НЭПа оно возникло. До начала индустриализации. У нас не было массового производства авиационных двигателей – в годы НЭПа, еще до начала индустриализации, оно возникло. То есть техническое перевооружение промышленности начиналось еще в период НЭПа, одновременно с восстановлением экономики, благодаря чему? Благодаря методам планового регулирования рыночной системы. И вот на эти методы надо сугубо обратить внимание, когда мы говорим об уроках НЭПа. О том, как нам нынешнюю капиталистическую рыночную экономику взять в узду и направить в нужную нам сторону. Спасибо.

Бузгалин А.В.: Коллеги, у нас получился очень интересный, хотя и несколько мозаичный, разговор, пазл не вполне сложился, есть основания для дискуссии, остались какие-то лакуны, но тем не менее очень интересный получился контрапункт, когда начинавший дискуссию профессор Худокормов столкнулся с критикой со стороны профессора Колганова в самом ее конце. Но зато есть возможность сейчас вернуться ко всем дискутируемым вопросам. Пожалуйста, кто хотел бы включиться в разговор: возразить, дополнить? Где-то в течение 3-5 минут.

Худокормов А.Г.: Можно мне? Я не буду возражать Андрею Ивановичу Колганову. Дело в том, как подбирать цитаты. Я тоже могу подобрать цитаты, которые подтверждают мою (общеизвестную) концепцию, что примерно до осени 1921 г. большевики интерпретировали НЭП именно как отступление от принципов социализма, вынужденное в смысле отсталости, но отступление. Потом НЭП стал трактоваться иначе – как многоукладная экономика, с рынком, с хозрасчетом, но обеспечивающая переход к социализму, через классовый мир, кстати. Правда, от этого принципа они часто отходили. И вот здесь я хочу заострить ваше внимание, насколько труден был этот переход к экономике НЭПа как пути к социализму через классовый мир и сотрудничество. Очень трудный переход. И здесь вот вспоминали цитаты и против сменовеховцев, и против меньшевиков, неонародников. Я вспомню еще и «философский пароход», помните? Ведь совсем не обязательно надо было высылать таких людей, как Зворыкин, Кизеветтер и многих других, вполне они могли работать. читать свои лекции, и ничего страшного бы не случилось. Хотя надо правду сказать, что этот философский пароход спас им жизнь, потому что в условиях Сталина они бы, конечно, все погибли. Ну и последнее, о чем я хочу сказать: роль НЭПа как смешанной экономики дала колоссальный толчок развитию экономической теории в нашей стране. Вот когда мы ищем период, в котором наша отечественная экономическая мысль встала на уровень мировой экономической мысли и даже превзошла ее в чем-то – это период НЭПа. Почему? Потому что наше отечество впервые столкнулось с проблемами смешанной экономики, с которыми западный мир столкнулся позже, после кризиса 1929–1933 гг. И именно в условиях смешанной экономики работали в нашей стране такие гиганты мысли (я не шучу!) как Кондратьев, Чаянов, Юровский, Фельдман, Громан, Сокольников. Это ситуация НЭПа их вскормила, их поставила на ноги. И тут я хочу защитить Бухарина как теоретика марксизма.

У Бухарина есть очень важные положения, которых не было, кстати, ни у Ленина, ни позже у Сталина и так далее. Бухарин, например, писал, что наша страна возникла на базе полуотсталого капитализма. А значит, и социализм у нас будет отсталый. Вот что он писал: «У нас социализм, который мы построим, неизбежно будет отсталым социализмом».

Когда мы социализм построили, ну в общих чертах, мы стали его пропагандировать как самый передовой, как пример для подражания. В том числе для таких стран, как ГДР, Чехословакия, в которых изначально развитие капитализма было, конечно, выше, чем у нас. Но и Бухарин, Рыков, Томский – их значение еще в том, что они представили антисталинскую альтернативу переходному периоду. Индустриализация – да, конечно, индустриализация. Но сначала – легкая промышленность в течение первой пятилетки, чтобы накопить деньги, чтобы насытить рынок. А потом, конечно, перейти на тяжелую промышленность. Коллективизация? Да,

конечно, коллективизация, но добровольная, поэтапная, ну и так далее и тому подобное. Поэтому Бухарина недаром расстреляли, чтобы всякое воспоминание об этой так называемой правой оппозиции у нас в теории и на практике исчезло. Вот на это я хотел бы также обратить внимание, на историко-теоретический аспект этой проблемы: что НЭП – это еще и слава теории нашей. Спасибо.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Александр Георгиевич. Коллеги, кто еще с репликами хотел бы включиться?

Пороховский А.А.: Я несколько слов хотел бы сказать. Дорогие коллеги, я приветствую то, что Георгий Джемалович Гловели напомнил нам слова Леонардо да Винчи о том, что важнее критика, чем только восхваление. Безусловно, это очень полезно для выработки аргументации. Но обратите внимание на характер критики, скажем, лиц, отстаивавших марксистские взгляды, но перешедших в число сторонников так называемых либералов и им сочувствующих. Теперь они быстро привыкли быть монополистами, и вообще не хотят признавать никакой другой позиции, других взглядов. И в этом смысле получается неконструктивное отношение к другим направлениям. И поэтому хотелось бы, чтобы слова да Винчи относились ко всем рассматривающим разные подходы и опирающимся на разные истоки и теории, и практики. Спасибо.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Анатолий Александрович. Я в пандан хотел бы напомнить, что те слова, которые привел Колганов, слова Ленина о том, как нам важны эти умные сменевеховцы, они могут быть дополнены тем, что в советский период, в период НЭПа публиковали и просто монархистов, рьяных критиков Советской власти, просто, я бы сказал, охавателей Советской власти, так что многие заветы Леонардо да Винчи как раз в тот период были реализованы именно большевиками. Насколько из этого были сделаны выводы – второй интересный вопрос.

Пожалуйста, кто хотел бы включиться? Василий Владимирович?

Чекмарев В.В.: Александр Владимирович, я хотел бы поддержать позицию Андрея Ивановича Колганова. Мне импонируют его акценты на необходимости усиления плановых начал организации нашего хозяйства, потому что вопрос о хозяйственности – это сегодня вопрос экономических расчетов. Не хозяйственного расчета, а экономического расчета.

Приведу в качестве примера бюджет текущего года. На здравоохранение при всех текущих проблемах, которые мы видим, знаем, у нас уменьшили объемы финансирования. В основе лежит расчет экономический, но в основе не лежит хозяйственный расчет, под которым не следует понимать денежные, стоимостные моменты, а хозяйственный расчет для организации хозяйственной жизни общества, а она может быть организована только на основании плана.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Василий Владимирович. Это очень значимая реплика по поводу актуальности сегодняшнего дня.

Колганов А.И.: В решении сократить финансирование не лежит никакого экономического расчета, потому что если бы там лежал экономический расчет, там лежало бы простое статистическое сопоставление уровня наших расходов на здравоохранение с уровнем расходов развитых стран. И с точки зрения экономического расчета эти расходы надо увеличить примерно вдвое.

Бузгалин А.В.: Ну, тут, я думаю, вы с Василием Владимировичем на самом деле солидарны, просто речь шла об экономическом расчете в таком циничном смысле

слова... Пожалуйста, коллеги, кто бы хотел еще включиться в разговор? Пожалуйста, Георгий Джемалович!

Гловели Г.Д.: Я бы хотел напомнить об одной интересной вещи, о которой часто забывают. Вот Андрей Иванович Колганов говорил про индустриальные предприятия, которые появились при НЭПе раньше индустриализации. Я хотел бы напомнить, что именно во время НЭПа возникло Общество межпланетных сообщений. Недавно был скандал, когда «празднование» 60-летия полета Ю. Гагарина сопровождалось ретушированием фотоизображений первого космонавта – так, чтобы на шлеме не было надписи «СССР». «Имперасты» и «либерасты» снова и снова пытаются вытравить память о советском вкладе в цивилизацию, в культуру. Ведь то, что космический прорыв – это вклад в цивилизацию и в культуру – этого никто отрицать не смеет, а затушевывать роль СССР стремятся.

Пользуясь случаем, хочу сказать об одном из основателей Общества межпланетных сообщений – Морисе Лейтейзену. Он был сыном большевика Гавриила Лейтейзена, снимавшего дачу в Финляндии, где после революции 1905 г. скрывались Ленин и Богданов, причем Богданов там писал свою утопию «Красная звезда» с новаторским описанием межпланетного корабля. Морис Лейтейзен, по-видимому, еще мальчиком прочел этот роман, а после 1917 г. как полиглот он выполнял поручения Наркомата иностранных дел и одновременно был помощником Ф. Дзержинского. Окончил Военно-воздушную академию им. Жуковского, где познакомился с Фридрихом Цандером, занимался вопросами дирижаблестроения. Весной 1924 г. Лейтейзен встретился с А. Богдановым для обсуждения темы ракетных двигателей, сразу после чего написал К.Э. Циолковскому, согласившему стать почетным членом организуемого Общества межпланетных сообщений.

Интересно, что А. Богданов предполагал, что «пролетарская культура», вероятно, пройдет этапы, схожие с этапами буржуазной культуры: 1) романтизм борьбы и исканий; 2) классицизм форм победоносной зрелости; 3) натурализм; 4) декаданс. В этом контексте культура эпохи НЭПа, несомненно, относится к периоду романтизма борьбы и исканий, который был позднее вытеснен социалистическим классицизмом (соцреализмом), а далее уже были натурализм («деревенская проза») и еще что-то. И своеобразное сочетание «космизма» и массовости этого раннего советского романтизма проявилось, например, в движениях мироведов и краеведов, которые опять-таки были одной из форм «смычки» Советской власти с беспартийной интеллигенцией. Позволю себе процитировать стихотворение, с которым обратился к Обществу любителей мироведения известный оптик, «отец советского любительского телескопостроения» А.А. Чикин:

И те, кого сердце горячил лучом
Зажжешь ты любовью к науке,
Прильнув под твоим лучезарным крылом,
Протянут друг другу пусть руки.
Чтоб вместе великую книгу читать,
Что нам раскрывает природа,
И светом науки власть тьмы побеждать.
Да здравствуют свет и свобода!

И в заключение остановлюсь на моменте исторической памяти. К чему, вообще говоря, сейчас сводятся представления дипломированного обывателя о культуре

НЭПа? «Ленин, считая интеллигенцию г., вместе с Троцким выслал «мозг нации» на «философских пароходах». И еще в то время «травили» Есенина, который отождествлял Совдепию со «страной негодяев», и Булгакова, который отождествил класс-гегемон, пролетариат, с шариковыми.

Вот поэтому никогда нелишне напоминать о многообразии советской культуры эпохи НЭПа, в том числе – достижениях, вдохновленных двумя юбилеями 1925 г. – столетием восстания декабристов и 20-летием первой русской революции. Здесь на первом месте легендарный фильм Эйзенштейна «Броненосец Потемкин», тогда же две историко-революционные поэмы написал Пастернак, и т.д.

Юбилеи, когда они дают импульс творческому переосмыслению исторических событий и идей, очень важны. И с этой точки зрения большое значение имеет проведение таких круглых столов, как сегодняшний.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Георгий Джемалович. Прежде чем дать слово профессору Воейкову, хочу заметить, что к титанам того же периода относится, безусловно, Маяковский, дальше можно очень много имен называть. Это по-настоящему удивительный период, когда страна летела и при этом считала, что крылья – это важнейшее достижение. В общем, очень много всего такого красивого в этот период.

Худокормов А.Г.: Одну минуту! Помните Маяковского? «Мы отошли, рассчитавши точно, кто разложился – на берег за ворот. Теперь вперед, отступление закончено, РКП – команду на борт!» Вот тебе, пожалуйста. Андрей Иванович, это доказательство, что было два этапа!

Бузгалин А.В.: Хорошо! Но давайте, можем вспомнить еще про «страну-подросток», много было такого интересного. Ну и про юбилеи. Георгий Джемалович абсолютно прав, и хочу обратить внимание всех, в том числе и читателей журнала и тех, кто посмотрит, возможно, наш видеоматериал, на конференцию, посвященную столетию планирования, это получилось грандиозное событие с широким международным представительством от Китая до Латинской Америки и участием всех наших ведущих ученых. И даже прораба перестройки, академика Аганбегяна, который выступил за директивное планирование в государственном секторе и косвенное – во всех остальных. Меня это просто потрясло. Я всегда был сторонником этой вещи, но, чтобы академик Абел Гезевич Аганбегян это произнес – для меня это был феномен.

Воейков М.И.: Сначала хотелось бы ответить Г.Д. Гловели, который сказал, что, хотя Г.Я. Сокольников и был Наркомфином, но проведение денежной реформы было поручено буржуазным экономистам, среди которых был банкир В. Тарновский. Здесь надо разобраться, потому что вокруг этой денежной реформы и Г.Я. Сокольникова ходит много легенд и вымыслов.

Итак, после X съезда партии для подготовки денежной реформы была создана специальная Финансовая комиссия ЦК РКП(б) и СНК, которую возглавил Е.А. Преображенский. 14 апреля 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б), рассмотрев доклад Преображенского, утвердило постановление по вопросу о реформе денежного обращения. Однако работа этой комиссии была, видимо, не очень активной или результативной. В.И. Ленин не выдерживает и 28 октября 1921 г. пишет письмо Преображенскому «Periculum in mora» [Опасность в промедлении], где настаивает на коренном изменении «всего темпа нашей денежной реформы».

Другой разворот дело приобрело тогда, когда с 16 января 1922 г. на «финансовом фронте» появился Сокольников. Уже 26 января, т. е. через 10 дней, Сокольников проводит в НКФ совещание крупнейших (как тогда говорили, буржуазных) специалистов в денежном обращении, на суд которых выносит почти готовую программу реформы. В программе намечались следующие меры: «Легализация золота, прием последнего в платежи государственных сборов и налогов, открытие текущих счетов в золоте, перевод последнего за границу, прием переводов из-за границы в советской валюте, продажа последней за границей, корректирование ценой на золото товарного коэффициента и – общая задача – достижение котирующей советского рубля на зарубежных рынках». Речь еще не шла о червонце как параллельной валюте, наряду с совзнаками.

Итак, кто придумал червонец? Л.Н. Юровский даже так иронически оттенял эту проблему: «Червонец был “придуман” в том смысле, что “придумывается” всякая реформа. Но вместе с тем он не мог не быть придуман, потому что условия нового хозяйствования – работы на рынок, продажи на деньги, необходимость точного калькулирования и безубыточного производства – стихийно толкали на определенный путь». Надо иметь в виду, что у денежной реформы в принципе не было и не могло быть одного «автора», это не было изобретением гениального одиночки. Вопросы реформы широко обсуждались в среде специалистов, ученых, партийных деятелей.

Г.Д. Гловели называет В. Тарновского. В одном документе от 7 февраля 1922 г. Тарновский утверждал, что «общее восстановление народного и государственного хозяйства России возможно лишь при значительной и активной помощи иностранного капитала». И даже предлагал государству отказаться от эмиссионного права в пользу частного института, который будет именоваться «Банком России». И этот «Банк России» должен быть единственным эмиссионным центром в стране и учреждаться иностранным капиталом. Так что были и такие дикие предложения со стороны отдельных буржуазных специалистов. Нет нужды специально говорить об абсолютной нереальности и даже несерьезности такого рода предложений, которые, естественно, были весьма далеки от окончательного варианта денежной реформы.

Вот, если действительно указывать на человека, «кто придумал червонец», то это будет, несомненно, В.С. Коробков. Последний предлагал предоставить Госбанку право эмиссии «золотых» банкнот, с золотым покрытием примерно на 15-20%, но без немедленного размена на золото. Это предложение оказалось наиболее близким к окончательному варианту. Но в то время (1921–1924 гг.) В.С. Коробков был всего лишь секретарем председателя правления Госбанка. А вот многие профессора были против проекта В.С. Коробкова. Таким образом, следует считать, что какого-то одного конкретного «отца» у червонца не существовало. Он был плодом коллективного ума и знаний. Но душой реформы, ее лидером был, несомненно, Г.Я. Сокольников. Ведь, кроме того, что необходимо было глубоко разбираться в финансовых хитросплетениях, нужно было также отстаивать, разъяснять и пробиывать необходимые решения на высших этапах партийной и советской власти. Это мог сделать только Сокольников.

Я бы в заключение хотел подчеркнуть еще одну вещь. А.В. Бузгалин тут говорил, что во время НЭПа был расцвет культуры и прочие чудеса. Но надо иметь в

виду, что во время НЭПа начала вводиться диктатура, т.е. очень жесткий политический режим. Во время «военного коммунизма» действовали партии меньшевиков, эсеров, другие какие-то партии (кроме буржуазных, которые были запрещены), выходили оппозиционные газеты. Даже если их запрещали, на следующий день они выходили под другим названием. Так, Ю. Мартов в 1918 г., будучи делегатом Всероссийского съезда Советов, на одном из заседаний поднял вопрос: а был ли И. Сталин агентом охраны. Но этот вопрос все почему-то замяли. А вот с переходом к НЭПу начинается диктатура. Еще первые один-два года продолжался расцвет культуры и всего прочего, который начался еще перед революцией, так называемый «серебряный век» в России. Все великие наши писатели и поэты – они оттуда идут. А в 1920-е гг. их уже стали прижимать, и мы знаем о трагической судьбе С. Есенина, того же В. Маяковского... Во время НЭПа запретили все оппозиционные партии и их печатные органы. И меньшевиков, хотя она была марксистской партией, и эсеров. Начинается диктатура. Иногда можно встретить высказывание, что НЭП – это первая оттепель. Ничего подобного! Это первый шаг к диктатуре, которая потом переросла в сталинизм. И я думаю, что это тоже не случайно. Потому что развитие НЭПа, развитие буржуазных отношений надо было сдерживать каким-то образом. Вот так и сдерживали. Спасибо.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Михаил Илларионович.

Колганов А.И.: Я хочу затронуть тот вопрос, про который я забыл сказать в своем первом выступлении: кто придумал НЭП. Мой ответ будет немножко парадоксален: никто его не придумывал вообще. Эта новая экономическая политика – фактически повторение того, что было сделано еще осенью 1920 г. в Дальневосточной республике. Там не было продразверстки, там была свободная торговля хлебом, и там был рубль, основанный на золотом стандарте.

Именно эту модель, которая была осуществлена в Дальневосточной республике, и перенесли на всю Российскую Федерацию в 1921 г. Так что НЭП – это продукт коллективного творчества руководителей Дальневосточной республики. Я, конечно, не думаю, что когда разрабатывалась новая экономическая политика, то она основывалась на тщательном изучении опыта ДВР. Думаю, что так не было. Но тем не менее факт остается фактом, что историческое первенство в практическом осуществлении принципов новой экономической политики относят к Дальневосточной Республике.

Разумеется, и для Дальневосточной республики нельзя отрицать идеологического влияния небольшевистских партий на проведение этой политики, потому что там, в Дальневосточной Республике, они не только легально существовали, но и участвовали в политической власти и влияли на выработку экономической политики. Вот такая ситуация.

Я бы хотел обратить внимание еще на один момент, с чисто исторической точки зрения продолжая ту линию, которую я наметил с точки зрения планового регулирования рыночной экономики. Я хотел бы обратить внимание, что парадоксальным образом в развитии инструментов планового развития экономики и вообще плановой системы, плановых отношений, то есть фактически создания социалистических начал внутри новой экономической политики, огромную роль сыграли именно буржуазные специалисты, а не марксисты. Хотя марксисты среди них тоже были, но их было меньшинство.

Я имею в виду две больших команды экспертов, одну из которых собрал Дзержинский в Высшем совете народного хозяйства, там были все, вплоть до монархистов у него под крылом, и вторая команда, которую собрал Глеб Максимилианович Кржижановский в Госплане. Именно эти две команды фактически разрабатывали первый пятилетний план, за что, конечно, они потом поплатились, поскольку их разработки оказались наиболее точными и наиболее соответствовали объективным условиям развития, а не попытки Сталина форсировать индустриализацию, когда он с трибуны XVI съезда призывал выполнить план по целому ряду отраслей в два – два с половиной года и ставил очевидно не выполнимые задачи, которые так и не были реализованы ни в первой пятилетке, ни даже во второй. Такая ситуация, когда они оказались правы, а товарищ Сталин не прав, и привела их к осуждению за вредительство.

Надо сказать, что я не считаю правильной позицию, что индустриализацию надо было начинать с легкой промышленности. Мы не имели такой возможности. Хотя с точки зрения экономического расчета это был бы правильный подход, который позволял бы нам войти в индустриализацию более плавно, с меньшими экономическими издержками, но у нас не было возможности этот подход реализовать, поскольку, к сожалению, Сталин, когда говорил, что нам за десять лет надо пробежать расстояние, отделяющее нас от передовых стран, иначе нас сомнут, был абсолютно прав. Мы вынуждены были форсировать индустриализацию, перенапрягать силы и двигаться по пути создания в первую очередь тяжелой промышленности.

Однако и в решении этого вопроса можно было вести более грамотную со структурной точки зрения политику. Можно было поднимать тяжелую промышленность, создающую средства производства, ориентируясь в большей степени на производство сельскохозяйственных машин и орудий, для того чтобы обеспечить подъем сельского хозяйства. Потому что без этого структурный маневр сокращения численности рабочих рук в сельском хозяйстве и переливание их в промышленность был бы чересчур болезненным, что в реальности и произошло. Там еще были грубейшие просчеты, связанные с проведением сельскохозяйственной политики. Но и в области промышленной политики мы могли бы сманеврировать.

И последнее, что я бы хотел сказать. Когда мы говорим об уроках новой экономической политики, мне кажется, надо вспомнить о том, каковы были общественные цели, которые преследовала новая экономическая политика. Вот эти цели, безусловно, резко отличались от тех целей, ради которых экономическая политика проводится сейчас. Я имею в виду не лозунги, которые благополучно выдвигаются в течение тридцати лет и не реализуются, а те реальные цели, которые преследуют творцы нашей реальной экономической политики. Это огромный контраст с теми целями, которые выдвигались и реализовывались в годы новой экономической политики.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Андрей. Ну что, коллеги, если не возражаете, будем завершать. Вижу, что Василий Владимирович хотел сказать несколько слов.

Чекмарев В.В.: Андрей Иванович, спасибо за экскурс в прошлое, это интересно. Но все-таки у меня к вам вопрос: вы полагаете, что нам сегодня нужна плановость экономики или нам нужна плановость хозяйственного развития на основе изменений всей системы хозяйственных (я подчеркиваю) отношений, а не всей системы экономики?

Колганов А.И.: Я, конечно, думаю, что нам вообще нужен переход к иной общественной системе.

Чекмарев В.В.: Хорошо, я понял.

Бузгалин А.В.: Коллеги, давайте мы вернемся к НЭПу, с вашего разрешения. Я позволю себе сказать несколько слов – не в подведение итогов, а с позиции профессора Бузгалина.

Реплика первая. Мы не раз и не два обращались к имени Ленина. Это не случайно: в социальном творчестве тоже есть тот, кто является лидером в теоретическом осмыслении, в практической реализации, в организационном отношении. Как Королев в космическом проекте. Космический корабль делала вся страна, но есть Королев. Так и с Владимиром Ильичом Ульяновым-Лениным. И я не раз и не два говорил о том, что сохранение ленинской гвардии на следующие двадцать лет, ну, хотя бы до семидесятилетия Ленина, очень многое изменило бы в нашей стране. Личность многое меняет в истории.

В этой связи я хотел бы подчеркнуть: на мой взгляд, не было коренных изменений во взглядах Ленина на социализм. Кстати, эта фраза написана в связи с тем, что необходимо от военной позиции перейти к гражданским и культурным. Естественно, если закончилась гражданская война, то необходим переход от шашки и винтовки к созиданию в других сферах. Было другое. Было действительно постоянное сопряжение стратегических теоретических разработок марксизма с практикой, причем очень самокритично и с принципиальным вниманием к критике со стороны. Так что в этом смысле напоминание Георгия Джемаловича Гловели уместно. Но оно реализовывалось тогда, хотя не всегда реализуется сейчас, и здесь ваша критика была очень даже справедлива.

Поэтому теория во многом подтверждалась практиками НЭПа. Переходный период к социализму. Да? Да. Развитие планирования и обобществления производства на деле? Да. Безусловно, да. Тот самый стратегический приоритет в движении к коммунизму в классовой борьбе, о чем постоянно говорилось. Да? Да. В этой связи важна не проблема меньшевиков, сменовеховцев, новой волны народничества и так далее. Проблема-то в том, что внешний враг – монархизм, в классической буржуазной идеологии был побежден. Вопрос стоял – консервировать НЭП и потом сползать пусть к социально ориентированному, но капитализму, или идти к коммунизму. Подчеркиваю – именно к коммунизму: для Ленина долгосрочная стратегия принципиально значима. И для него, и для Дзержинского, и для Луначарского – для каждого из них и для всех вместе. Вот этот вопрос был действительно на острие, потому что вопрос стоял: кто – кого. И поэтому тем, кто был на философском корабле, предложили: работать и преподавать в провинции или отправиться за границу, получив командировочные в валюте и потом получая гонорар за публикации в России. Вот они выбрали отправиться за границу, а не преподавать в провинции, потому что они бы идеологически доказывали, что необходимо идти к капиталистической системе. И доказывали умнее, чем большевики, которых было раз-два и обчелся. Дзержинский выполнял 29 миссий одновременно. Интеллектуальное превосходство правых над левыми было отчасти реальностью. Хотя бы потому, что левым надо было делать все, а правые могли только заниматься некоторыми вещами и не нести ответственности за то, что происходит в стране. Очень важным мне кажется этот аспект, вот эта теоретическая выверенность того, что делалось, и теоретическая честность.

Я вспоминал уже Николая Владимировича Хессина. Он прямо говорил, цитируя Ленина, что из мелкого товарного производства растет крупное капиталистическое. Если мы вводим рынок, то будет капитал, финансовый капитал, социальное неравенство и все остальное. По-другому не получится. И Ленин говорил об этом точно так же: «Мы понимаем, на какую опасность мы идем». В этом смысле Ленин был принципиально на других позициях, чем нынешние руководители Китая, для которых рынок есть благо такое же, как и все остальное. Не надо путать нужду с добродетелью. Это принципиально важный вывод, и не надо закрывать на это глаза. Нужно использовать? Нужно. Это как яд змеи. Используешь в ограниченных масштабах – лекарство, чуть-чуть передозировал – умрешь. Извините за образ, это я у китайцев научился. Вот это первый очень важный тезис.

Худокормов А.Г.: Но и с планированием так же.

Бузгалин А.В.: С планированием так же. Вопрос в данном случае стоит о перспективе. Перспектива в данном случае – движение от рынка к плану. Точно так же, как когда-то в XVI в. или в XVIII в. – нельзя было сразу отказываться от натурального хозяйства и переходить сразу к рынку. Переборщив с рынком, можно было убить всю экономику, потому что без натурального хозяйства тогда было нельзя. Но перспектива была за рынком. Здесь перспектива за планом. У Александра Георгиевича Худокормова другая позиция, я понимаю. Второй пункт: вот поэтому была борьба: из НЭПа в капитализм или в социализм. Реально перешли в отсталый социализм, в мутантный социализм со всеми его противоречиями, трагедиями, всем остальным. И здесь мы с вами согласны, что можно было по-другому и нужно было по-другому. Очень важная дилемма НЭПа, на которую мы не обратили особенного внимания – это дилемма социального творца и мещанина. «Вылезло мурло мещанина» – это очень точная и важная характеристика конформиста, который не вел к социалистическому пути. Нэп для Ленина был средством. Долгосрочным, на 10 лет, но средством. И в этом смысле наш спор с Александром Георгиевичем заключается в деталях. Потому что в первую очередь надо было накормить и напоить народ, но и голодные люди стремились к искусству, иногда даже больше, чем сытые буржуа. Поэтому тут не было прямой связи, хотя я согласен: да, НЭП вводился прежде всего для того, чтобы решить прагматические экономические проблемы. Но эти проблемы и НЭП были частью долгосрочной стратегии движения к коммунизму. Во всяком случае, для тех, кто его тогда развивал. Что мы можем взять в сегодняшний день? При всех наших дискуссиях, я думаю, мы будем все согласны: выращивание (не декретирование!) регулирования и планирования, включая учет и контроль – раз. Два: добровольная кооперация при всем многообразии ее форм, безусловно. Вплоть до коммуны, начиная с простейших форм – снабженческо-бытовой или обслуживающей кооперации. Три: поддержка социального творчества, участия в управлении, самоуправление, насколько это возможно хотя бы в рамках капиталистической системы. Четыре: постоянная память и акцентирование социальных проблем: неравенства, политической борьбы, этим обусловленной и фиксации вполне четкой точки зрения на эти проблемы. Ну и, наконец, пятое, о чем я хотел бы сказать: это приоритет стратегических целей. Для сегодняшней России максимум, что мы можем предполагать по нынешней расстановке экономических, политических и прочих сил – это глубокое реформирование внутри капитализма. Это программа меньшевиков, эсеров, сменовеховцев и так далее. Для Советского

Союза эпохи НЭПа была отступлением, поражением. Для Российской Федерации начала XXI в. – это было бы величайшей победой, я думаю. Ну и то же самое, наверное, очень важно в международном отношении. Если мы хотим (здесь «мы» – это в широком смысле слова, жители Боливии, жители Бразилии, возможно, и не только) идти вперед, то надо очень многому учиться у НЭПа.

Это была позиция одного из участников круглого стола, а не вывод из того, о чем мы говорили. Огромное всем спасибо, обсуждение проходило ровно два часа, как мы и планировали. Это будет объемный материал для публикации, в котором представлен широкий спектр позиций. При этом общность представленных позиций состоит в том, что всеми участниками признается и аргументируется, что НЭП сыграл существенную позитивную роль в развитии советской России, а также то, что уроки НЭПа остаются актуальными для разработки стратегии развития позднего капитализма.

* * *

Подводя итоги обсуждения социально-экономических проблем новой экономической политики на круглом столе, можно сформулировать несколько выводов. В частности, большинство участников подчеркнули, что новая экономическая политика – это мирового значения опыт общенациональной организации в форме смешанной экономики, с ведущей ролью общественного сектора, государственного регулирования и активной политики, направленной на решение проблемы социальной справедливости – с одной стороны, при широком использовании рынка, частнокапиталистической собственности и денежного стимулирования – с другой стороны. Наибольшие дискуссии у участников обсуждения вызвали вопросы взаимодействия этих двух сторон экономической системы периода НЭПа.

В дискуссии ясно прослеживались две основных позиции. Первая позиция: соединение общественного сектора и регулирования – с одной стороны, и рыночно-капиталистических начал – с другой, есть оптимальная модель для обеспечения экономического развития не только в XX в., но и в XXI в. Вторая позиция акцентировала необходимость постепенного вытеснения рыночно-капиталистических начал и все более активного, интенсивного развития социалистических отношений. Сторонники данного подхода специально выделяли ведущую роль социального творчества трудящихся как главный фактор прогресса посткапиталистических отношений. Однако сторонники и первой, и второй позиции в конечном итоге подчеркивали возможность и необходимость перехода России в ближайшей исторической перспективе к системе производственных отношений и экономической политики, критически использующей основные достижения НЭП в СССР.

**Aleksandr V. Buzgalin¹, Mikhail I. Voeykov², Georgy D. Gloveli³,
Andrey I. Kolganov⁴, Anatoly A. Porokhovskiy⁵,
Aleksandr G. Khudokormov⁶, Vasily V. Chekmarev⁷
and Olga V. Barashkova⁸**

POLITICAL ECONOMY AND ECONOMIC POLICY: On the 100th anniversary of NEP^{*9}

Keywords: *new economic policy, NEP, socio-economic development, USSR, Russia, late capitalism, political economy.*

NEP 100 years ago and today: how should we understand it?

Here the editors publish the materials of a discussion on the significance of the New Economic Policy for the development of Russia in the Soviet and post-Soviet periods, and also for the work of devising a strategy for the development of modern capitalism as a whole. The discussion took place in a round-table format, and was organised by the editorial board of the journal Questions of Political Economy together with the

¹ **Aleksandr V. Buzgalin**, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (buzgalin@mail.ru).

² **Michael I. Voeykov**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Political Economy Section, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (mvok1943@mail.ru).

³ **Georgy D. Gloveli**, Doctor of Economics, Professor of National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia (ggloveli@hse.ru).

⁴ **Andrey I. Kolganov**, Doctor of Economics, Professor, Chief of the Laboratory of the comparative studies of socio-economic systems, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; head scientist, Institute of Economy of Russian Academy of Science, Moscow, Russia (anaglo@mail.ru).

⁵ **Anatoly A. Porokhovskiy**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (anapor@econ.msu.ru).

⁶ **Alexander G. Khudokormov**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of History of the National Economy and Economic Studies, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (akhudo52@mail.ru).

⁷ **Vasily V. Chekmarev**, Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Corresponding Member of the RAO, full member of the AFS. Head of the Kostroma regional Branch of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts (KROPANI) under the administration of the Kostroma region, Kostroma, Russia (tcheckmar@ksu.edu.ru).

⁸ **Olga V. Barashkova**, PhD in Economics, Senior Research Fellow at the Laboratory of the comparative studies of socio-economic systems, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (o.v.barashkova@gmail.com).

^{*} **JEL codes:** B14, N44, O21, P11, P21, P30.

Citation: Buzgalin A.V., Chekmarev V.V., Gloveli G.D., Khudokormov A.G., Kolganov A.I., Porokhovskiy A.A., Voeykov M.I., Barashkova O.V. (2022). The New Economic Policy (NEP) 100 years ago and today: how to understand it? (to the 100th anniversary of the New Economic Policy). Problems in Political Economy, 1 (29): 22-53.

DOI: 10.5281/zenodo.6525484 (<https://zenodo.org/record/6525484>)

⁹ **Acknowledgments:** The research was funded by RFBR, project number 21-010-43007\21.

Department of Political Economy and the Laboratory of Comparative Research on Socio-Economic Systems of the Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University. The round table session was held on 3 May 2021 in online format. The following questions were put forward for consideration: Who came up with the concept of NEP – Lenin, Bukharin, Trotsky or Martov? What was the essence of NEP – the mixed economy, taxation, or the chervonets? What was NEP – a retreat, a model of the “integral society”, or a highway to socialism? Could NEP have continued for longer, and why was it overturned? Does Russia need a NEP today?

Over the past three decades, research into the dynamics of the commercialisation of the Russian economy has made it possible to reveal four periods in the development of this process: a period of accelerated commercialisation, a period of hyper-commercialisation, an incipient period of de-commercialisation, and an anticipated period of post-commercialisation. The article analyses the peculiar features and most characteristic phenomena of each of these periods, formulating the main trends of economic policy, trends aimed at overcoming a lack of balance in the relationship between the commercial and non-commercial sectors of the economy. The contours are noted of tendencies in economic theory that break out of the confines of the modern mainstream, and that are oriented toward making quantitative measurements in the field of non-commercial goods. Underlying these tendencies is an effective synthesis of culturology and economics, that opens up the prospect of forming a system for the value-based measurement of goods, taking into account their cultural significance.